

Ива Максимова

*Совы
и Демоны*

Ива Максимова
Совы и Демоны

«Издательские решения»

Максимова И.

Совы и Демоны / И. Максимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749888-7

...что это в шутку, потому что мы выдумали всякие дурацкие обряды, а он это всерьёз. Один из заветов совы — не пить кофе ночью. Типа бодрствовать надо так, без стимуляторов. Ну а я... а я ж балбес, для меня всё это хиханьки. Пью, короче, этот свой кофе на чердаке ночью, тут появляется этот мой друг, говорит что-то патетическое. Патетическое, но короткое. И стреляет из арбалета мне прямо в горло. Я кофе роняю, захлёбываюсь, а у него над головой сова, грозно так на меня смотрит...

ISBN 978-5-44-749888-7

© Максимова И.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Совы и Демоны

Ива Максимова

© Ива Максимова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение:

Когда увидите в тексте название аудиозаписи, включайте её. Можете читать дальше под музыку, а можете сначала прослушать композицию и только затем продолжать чтение. Всё зависит от вашего желания.

Гендель – Ария Клеопатры (Se Pieta)
John Cooper Clarke – Evidently Chickentown
Jan Amit – Sleep to awake
Te100стерон – Это не женщина, это беда
Hot Chip – Look at where we are
Red Hot Chilli Peppers – Otherside (electric violin&guitar)
kaigerda – больше любви
Буерак – Магазины
Genetic Opera – Didn't know I love you so much
We Smoke Fags – Kanape of Love
The Beatles – Strawberry Fields Forever

Синие сумерки за окном стремительно светлели.

– И давно ты с нами едешь? – спросила девушка с седыми волосами, раскладывая карты на откидном столике под стук колёс.

Напротив неё сидел молодой человек с ёжиком светло-русых волос. Чётко очерченные брови темнели над любопытными карими глазами, полные розовые губы растянулись в улыбке.

– Что значит «давно»? – его голос был странно низким, густым и гулким. Казалось, что воздух начинал быстрее вибрировать, когда он открывал рот, – С самого начала, с Москвы.

– Да? Странно, а я тебя не видела.

Собеседник седой девушки оставил это замечание без ответа. Она поминутно отвлекалась от карт, поглядывая на него, а он, казалось, и вовсе не отрывал от неё любопытного взгляда. Широко раскрытые карие глаза поблёскивали в полумраке вагона.

– Какой там у нас козырь? – спросила девушка, сглотнув.

– Пики, – невозмутимо ответил юноша.

– Что, тоже билетов на самолёт не было?

– Ну, в общем, да. Это что, отбой был?

– Да, – девушка сгребла карты и, перевернув их рубашкой вверх, подвинула стопку в сторону. Она вытянула из колоды ещё несколько карт и, поглядев на них, сунула каждую на определённое место в веере, который держала в руке. – Ходи, что ли.

Почти не глядя в свои карты, юноша положил одну перед собой и подтолкнул вперёд.

– Рита, а ты чем занимаешься? – спросил он.

– Как-как ты сказал?

– Чем ты занимаешься? – он повторил вопрос немного громче.

– Нет, как ты меня назвал?

Юноша смутился.

– Рита.

Она засмеялась.

– Нет, меня зовут Анита. А-ни-та.

– Анита, – повторил он своим гулким голосом, – Извини.

– Я на историческом учусь.

– А. А где?

– Как где? – Анита удивилась, – В Москве, конечно же.

Больше юноша ничего не спрашивал.

– Скажи, Ром, а чем вы там в своём... своей школе занимаетесь? – спросила девушка, в очередной раз мешая карты.

– В университете, – поправил её собеседник.

– Ну, в университете. Чем вы там занимаетесь? Что вам преподают?

– Уголовное право, административное право, гражданское... Физкультуры, само собой, много. И выезды бывают на базу. Историю преподают, криминалистику, криминологию, учат вести следствие. А ещё... – юноша подобрался и сел прямо, – ...ещё у нас каждый день до пяти часов самоподготовка.

– Самоподготовка? Это что такое?

– Да просто. Есть пары, нет пар, сидишь в кабинете и не можешь оттуда выйти. Типа надо в это время заниматься. Но бывает, что и заняться нечем. И всё равно сидишь.

– М-да, у нас не так. Хотя тупо, когда утром пара, потом окно в две пары, и снова пара потом. А бывает, с утра до вечера по факультету бродишь, сначала на своих парах, потом на спецсеминарах, а некоторые и на вечерку ходят послушать. Говорят, там многие лекции лучше читают, потому что там преподы помоложе наших корифеев. Ну как-то так.

– Странно.

– Ну, может быть. Зато и не очень строго, работать можно спокойно. У нас много кто работает.

– Везёт вам, – Рома неуверенно взъерошил короткие волосы.

– Кому как.

– Это больно? – спросил он, прикоснувшись пальцем к крылу своего носа.

– Анита снова засмеялась и потеряла блестящий шарик, торчавший у неё на носу.

– Про это все спрашивают. Не, не большее укола.

– Хм. Я б такое не сделал. Особенно на лице.

– Скучно! – девушка вытянула губы трубочкой, – Хотя понимаю, со мной всё проще, я же гуманитарий. Могу себе позволить, – она показала на свою голову. По серебристым волосам и шарiku пирсинга в носу ездили блики от проносящихся мимо фонарей.

– На меня косятся часто, когда я в форме стою.

– А зачем ты в форме?

– Ну по-разным причинам. Иногда мы дежури́м по праздникам. За порядком следим. А вот на митинги нам ходить нельзя. То есть можно, если в гражданке, но нежелательно. Если увидят, то и выговор могут сделать. А то и вовсе из универа выгнать.

Глаза Аниты округлились.

– Да ну?

Рома пожал плечами.

– Татуировки и пирсинг вообще нельзя.

– Даже там, где не видно?

– Всё равно же заметят. Вам-то, наверно, всё можно.

– Да, – ответила Анита, чертя пальцем по выступающей вене на левой руке, – Хоть все рукава забей, никто слова не скажет. Только не представляю, как я в классе буду рассказывать про становление славянских государств или про французскую революцию в таком виде. А меня

вот один раз, кстати, замели. Ну не за внешний вид, а якобы за пикет. Я снимала видео у Храма Христа-Спасителя, тут скрутили и внутрь завели. Потом ещё в отделении сидела. Ну ничего, отпустили даже без штрафа. Можно сказать, приключение.

Она рассмеялась.

– Не помню, чтобы вообще про это кому-то рассказывала. Вот парень, который со мной был, все фотки в «Инстаграм» запостил. И ему все писали комментарии типа, какой ты смелый. Ну или какой ты тупой.

– А ты что написала? – осведомился Рома.

– В смысле? Да я не... Я его и не знаю даже. Слушай, а ты почему в МВД пошёл?

Рома задумался.

– Отец и мать у меня врачи. Ждали, наверно, что я тоже стану врачом. Но я по другим стопам пошёл. Можно сказать, у нас династия, дед и прадед служили в МВД. Образование полностью бесплатное, одевают, обувают, даже носки выдают. После того, как закончу, надо будет пять лет работать на государство.

– А учишься сколько? Пять лет?

– Ага.

– Это что получается, десять лет им отдаёшь?

– Выходит, что так.

Девушка пригляделась к собеседнику внимательнее. Он не отвёл сияющего взгляда, не смутился.

– Господи, да зачем это нужно, – пробормотала она, вновь опуская глаза.

Анита шурилась и моргала, под глазами пролегли бледные голубые тени. Потянувшись и громко зевнув, она спросила:

– Когда ты в последний раз проснулся?

– В смысле? Я и не ложился сегодня.

– Нет-нет. Я хотела спросить, когда ты в последний раз спал? Я вот проснулась часа в четыре дня, вот и не сплю. А ты?

– Я... Я не помню.

– Ну и неважно. Как тебе тут ехалось?

– Нормально ехалось. Тут была женщина, она миссионер или что-то в этом роде, говорит, поехала на духовный семинар. Ты ходишь.

– Ага, спасибо. И что дальше?

– Ну, ничего. Поговорили, она мне книжку подарила, о Боге и о всём таком.

– Ах, вы так?... А мы так, – девушка положила карту на карту соперника, – И что ты сделаешь с этой книгой?

Она сделала следующий ход.

– Как что? Прочитаю, – сказал юноша.

– А ты веришь в Бога? Мажор! Ты чего козырную бьёшь?! – она легонько ударила его ладонью по пальцам. В приглушённом свете ламп её собеседник выглядел почти прозрачным.

Он дёрнул плечами, на секунду отвёл глаза от девушки. Та заёрзала на дерматиновом сиденье.

– Ну так, – ответил он.

– Значит, так и ходишь? Окей. Отбой.

Она сгребла карты в кучу и перевернула их.

– Вообще верю, – начал он, – Не могу понять, как это всё так устроено... правильно. Значит, кто-то всё это создал. Значит, у кого-то был замысел всего этого.

– Не факт.

– Тогда как ты всё это объяснишь?

Девушка задумалась.

– Вполне может быть, что вселенных много. И у них рандомный набор физических законов, их базовых характеристик. В нескольких вселенных, в том числе в нашей, набор характеристик оптимален для возникновения разумной жизни, – она прекратила рассматривать плацкартные полки и взглянула на юношу, – Но я больше верю в то, что существует основной закон Вселенной, из которого проистекают все другие законы. Стержень системы.

– А. Какой закон? – брякнул её собеседник.

– Пока не знаю. Говорю же, я этим не занимаюсь. Ну есть он, этот основной закон, наука к этому идёт. Но я его не знаю.

– Ты ходишь.

– Ага, сейчас.

– Карты возьми.

В свои карты он вовсе не смотрел.

– Рома, – спросила девушка, кладя карту на стол, – а зачем ты едешь в Накабу?

– У меня там отец. Давно его не видел.

– В самой Накабе?

– Не-а. Есть город такой, Хара-Тус, знаешь?

Девушка помотала головой.

– Так вот, он там живёт с новой семьёй.

– Ты там бывал уже?

– Да нет. Ни разу. Надеюсь, отец меня на вокзале встретит. А тебя?

– Что?

– Тебя кто-нибудь встретит?

– Ага. Сестра с мужем.

Мимо прошла проводница в толстых кожаных перчатках поверх рукавов форменного пиджака.

– Туалеты закрываются через полчаса, – донеслось до них.

Девушка проводила женщину долгим взглядом.

– Эти проводники с собой дракона везут, – поделилась девушка с собеседником, – Записали на меня, как будто он мой.

– Твой?

– Ну, им правила не позволяют самим животных провозить, а я пассажирка, мне можно, да и не через границу едем. Оформили на меня, а я его даже не погладила. Он маленький, его из бутылочки кормят. Сама слышала, правда, из туалета. Она такая говорит: да-а-а-а-авай, моя лапочка, ку-у-у-ушай, вот так, молодец.

– А, – только и ответил Рома.

– Что ты, часто драконов, что ль, видишь? – обиженно спросила девушка.

– Этого дракона я уже видел.

Глаза его чуть сузились и снова распахнулись. Девушка потупилась, как бы призывая Рому сделать то же самое, и вновь украдкой подняла глаза. Он всё так же смотрел на неё, подавшись вперёд, губы его чуть приоткрылись. Они были очень яркими.

Она машинально прикусила нижнюю губу и, заметив это, тут же неловко улыбнулась, пряча глаза.

– А сам-то ты откуда?

– Из Новосива. Ну, родился там. Правда, уже тринадцать лет там не был.

– Занесло же твоего отца. Чего ему в Накабе делать? То бишь, в Хара-Тусе.

– Он врач.

– Всё равно.

– Да не знаю я. Может, экология там лучше.

– Может. Ну, бывает. Я вот в Кресе родилась. А мама у меня накабинская. А отец из Эландэ. Они теперь там и живут. А я москвичка типа.

Эти её слова Рома оставил без внимания.

– Мажор! Ну как ты ходишь, как ты ходишь, зачем козырного туза кладёшь?!

Рома развёл руками и снова уставился на девушку. Игра продолжилась.

– Значит, после того, как, ну... твои родители развелись... ты с мамой остался.

– Ага, с мамой и отчимом. Нас там много было. Как в семь лет из Новосиба уехал, так и жил с ними, с сестрёнками и братьями.

– Сколько у тебя сестёр?

– Так, ну две старшие, три младшие, это если...

– Ладно, проще скажи, сколько у твоей матери детей?

– От первого брака, с моим отцом – пятеро детей. От второго – ещё трое.

– Ого! Здорово! И она при этом ещё врач?

– Да.

Девушка замолкла на некоторое время.

– Твоя мама – шикарная женщина.

Затем она добавила:

– Хорошо в большой семье.

– Да-да, ещё как, – закивал Рома.

– Я вот всё время с сёстрами была. Не понимаю, когда ребёнок один в семье...

– Да-да, я тоже, – перебил её Рома и покраснел, – Вот мне хорошо, что я с сёстрами рос, они подсказывали... ну знаешь, насчёт девушек, той, мол, нравишься, к этой такой подход нужен. Благодаря этому у меня, ну, без учёта сексуальных отношений... – его рука приподнялась над столом и повертелась в сдержанном жесте, – ... было в общей сложности тридцать пять девушек.

– Что-о-о-о-о? – воскликнула его собеседница, её глаза и рот округлились, – То есть я хотела сказать, а. Бывает. Ничего себе.

– А у тебя... – голос Ромы дрогнул, – сколько было?

– Девушек? – она изогнула бровь, – Да ладно, не смущайся, я поняла. Один. Вообще. Правда, мы встречались три года.

– Ты сейчас карты раздаёшь.

– Ты опять, что ли, выиграл?! Мажор, одно слово. В общем, мы встречались три года, и у нас до сих пор... странные отношения, – Анита перетасовала колоду и принялась раздавать карты, – Мы дружим. Ну то есть пытаемся. Он меня проводил на поезд и... поцеловал. Может быть, ты его видел, он высокий такой.

– Понятно.

– Слушай, а почему у тебя два перстня?

– Видишь, вот это тьма, – Рома протянул ей правую руку, чёрная полоска массивного перстня, окованная серебром, опоясывала безымянный палец.

– А это свет, – на левой руке перстень был полностью серебряный, – Две стороны моей души, инь и янь. Как-то так.

– Окей. Теперь ты раздаёшь.

– Молодец.

– Что?

– Молодец, говорю. Выиграла, поздравляю.

Солнце осветило его лицо полностью, вызолотило его короткие русые волосы.

Девушка коснулась пальцами своей щеки, изъеденной следами акне, и тут же убрала руку. Её серебристые волосы тоже заиграли искрами.

– Надо, наверно, уже собираться, – сказала она ровно, – Давай сюда карты.

– Давай ещё сыграем, – предложил Рома, пожирая её глазами.

Он уже раздал карты, ей шесть, себе шесть, некоторые люди вставали со своих мест, придерживая сумки и чемоданы, поезд давно замедлил ход, промежутки между стуками колёс становились длиннее. Она выбрала карту, положила её на стол, подтолкнув вперёд. Он легко парировал. Она выбрала ещё две карты и метнула их по очереди, они скользнули по столу напрямиком к Роминой груди. Состав дёрнулся и замер.

Воздух сгустился. Пассажиры заговорили громче, колёса чемоданов зашуршали по линолеуму, подпрыгивая на металлических швах.

– Пойдём уже? – спросила девушка.

– Да-да, – рассеянно ответил Рома.

– Не сможешь?.. – она указала на чемодан, разместившийся на верхней полке.

Он поднялся на цыпочки, стащил чемодан с багажной полки, взвалил на плечи рюкзак, схватился за ручку её чемодана, второй рукой взял ещё один. Рома и Анита на секунду остановились рядом и оказались почти одного роста. Оба это заметили. Рома отвернулся к выходу, Анита опустила глаза.

– Я и сама могу, – сказала девушка, протягивая руку к чемодану, – Спасибо.

– Ничего, мне же несложно.

Она отступила на шаг и надела рюкзак.

Дверь ещё не открыли, длинная очередь, выстроившаяся к выходу, не двигалась. Девушка оказалась зажатой со всех сторон, изредка она делала маленький шагок вперёд, к Роминому затылку. Всё это время они молчали.

Оказавшись у выхода, Рома спустил второй чемодан в руки своих соседок по купе, матери и дочери, которые что-то пробормотали, озадаченно глядя на него снизу вверх.

– А, ты и с ними подружился, – язвительно заметила девушка.

– Ага.

Рома спрыгнул на крупный гравий, стащил вниз чемодан и подал ей руку. Поколебавшись секунду, она оперлась на эту руку и спрыгнула вслед за Ромой.

Колёсики чемодана застревали сред камешков, и девушка с силой дёрнула за ручку.

– Да давай уже помогу, – Рома подхватил чемодан обеими руками и понёс его на перрон, – Вот так, Анита. Видишь своих?

– Пока нет.

– И я нет.

– Ничего, увидишь.

Они пошли по перрону бок о бок, оглядываясь по сторонам. Рома слегка отстал, отворачивая от Аниты взгляд. Он никого не искал в толпе, просто уставился прямо перед собой. Анита поглядела на него и ускорила шаг, крикнув на прощание:

– Пока! Удачи!

– И тебе.

Шаг, ещё шаг, ещё дальше.

Из хаотичного скопления людей навстречу Аните вырвалась дородная фигура. Девушка попала в тяжёлые объятия женщины, затем та её отстранила и, рассмотрев, пару раз цокнула языком.

– Ну и что это ты с собой сделала?

Губы её были плотно сжаты. В посеревшем лице – ни кровинки. Между бровей складка, под глазами собрались морщины.

– Разве плохо? – Анита потрепала свои осветленные волосы, повертела головой.

– Я тебя только по куртке и узнала, – сварливо сказала женщина, – Мама-то что скажет, когда это увидит? А бабушка?

– Какая разница?

– Может, это как-то исправить, перекраситься там? Нет, не хочешь?

Анита оглянулась, словно кого-то ища глазами.

– Не хочу.

Они приблизились к стоянке, не говоря ни слова.

– Поезд-то раньше прибыл, смотри, – сказала женщина, сев за руль.

Часы показывали 6.03.

На три минуты дальше.

Замелькали скульптуры, живые изгороди, белые церковки, панельные многоэтажки. Подъехав к одному из дворов, женщина вышла из машины, поднесла магнитный ключ к счётчику. Шлагбаум поднялся. Затем она въехала в тихий двор и припарковалась.

Под зелёной сенью деревьев царил полумрак, с проспекта доносился приглушённый гул, он то нарастал, то спадал. Во дворе гомонили невидимые птицы.

– Тебе чемодан нужен будет сейчас? Давай в машине оставим? Всё равно днём ехать.

Анита кивнула.

Тусклая лампочка в кабине лифта осветила затейливую вязь на стенах.

Asap Rocky

Анита потёрла нос и скривилась.

– Воняет тут.

Сестра покосилась на неё.

– Привыкай, москвичка.

Повернув ключ в двери, Алина на цыпочках вошла в прихожую, Анита за ней.

– Ты чай пить будешь? – шёпотом спросила женщина.

Анита помотала головой.

– Я тебе постелила в зале, на диване. Хорошо?

– Хорошо.

Анита помыла руки в тёмной ванной комнате и, едва обтерев руки первым попавшимся полотенцем, прокралась к детской. В щёлку двери был виден полураскрытый ротик девочки лет семи. Анита медленно отворила дверь, вошла и погладила девочку по разметавшимся тёмно-русые волосам. Та дышала ровно и размеренно. Пятилетний малыш спал тут же, на соседней кровати. Одеядло цеплялось за пятку, и добрая половина его уже покоилась на полу. Анита подняла одеядло и укрыла им мальчика, подоткнув со всех сторон, провела кончиками пальцев по влажному лбу.

Затем она так же бесшумно вышла и проскользнула в зал. Накрахмаленные простыни топорщились на вытертом диване. Часы на стенке медленно тикали. Анита разделась, легла и некоторое время следила за секундной стрелкой.

6.13.

Всего на тринадцать минут дальше.

Гендель – Se Pieta

С некоторых пор Анита завела привычку разглядывать фотографии Полли особенно долго. Она заходила «ВКонтакте» и в «Фэйсбук», отыскивала её страничку через страницы друзей и смотрела.

Светлые волосы по грудь, выпуклые голубые глаза, удлинённое лицо. Толстые губы. Чересчур толстые для такого длинного лица.

Иногда появлялись фотографии с пирожными или стейками с черной сеточкой от гриля на блестящей от жира поверхности. Бумажный стаканчик кофе, пальцы, размытые силуэты.

«Спасибо за прекрасный вечер...» – надписи встречались редко. Анита выискивала Поллины аккаунты, кликала по ним несколько раз на дню.

Ничего. Ничего. Ничего.

На немногочисленных новых фотографиях Полли даже улыбалась.

На страницу Фокс Анита заглядывала редко. Там все так же наверху стояли точная дата и точное время. 11.19. Заходила тогда-то, в 11.19.

Анита по несколько минут сверлила взглядом эти цифры, но в них никогда ничего не менялось. Последняя запись датировалась январем. Фокс смотрела с аватара огромными бесцветными глазами и победно улыбалась, приподняв подбородок.

Однажды на месте фотографии оказалась голубая картинка с мертвой собачьей мордой. Ничего.

NewLife «Студентка покончила с собой, спрыгнув с шестнадцатого этажа»

NewLife «Гибель студентки засняли камеры видеонаблюдения» эксклюзив

JT «Однокурсники погибшей девушки начали кампанию против NewLife»

СВВ «Студенты ополчились на NewLife»

Анита переходила между окнами и отматывала вниз, перечитывая комментарии.

Семён: Дура, сука!

Андрей: Эх, такая молодая... Жалко... Вокруг сплошные крокодилы, ни ума, ни красоты, воображают о себе много, как жену искать... Лучше б они убивались, а нам бы доставались такие, молодые красавицы и умницы

Эльвира: Девочка, что же ты наделала... Жить бы и жить, а теперь ничего не вернёшь...

Евгений: Естественный отбор в чистом виде. Женился на ней, говоришь, чёт салатик не очень, а она распереживалась, ну всё, он бросит меня, и херакс, упала на нож раз пять.

Сергей: картавое потное вонючее животное))))))

Аноним: И сразу в ад. Там хвостатые в котле быстро ей объяснят, что она была права.

Анна: Я ничего не хочу сказать такого, но там написано, она отличницей была, может, на учёбе свихнулась. Такие даже четвёрку воспринимают как конец света.

Аноним: Если она не вынесла стресса от экзаменов, что с ней было бы дальше?..

Галина: На ВИЧ проверили отличницу???

Антон: Пошла бы, поработала, поняла бы, что в жизни проблемы посерьёзнее бывают...

Smoke: Интересно, её кто-нибудь уже того...

Лилия: Тихая максималистка. Не первая такая. Тихие максималистки! Имейте совесть. Вас родители не для того растили.

Светлана: Какая красивая была, жалко. Глаза и брови чудо как хороши.

Dzhigurda: Могла бы потрахаться с каким-нибудь ботаником. Ей-то всё равно, а парню счастье. Может, прыгать бы расхотелось.

Ян: ахахааахаха

Николай: На куклу похожа.

Татьяна: А мне вот её не жалко, она взрослый человек, это её выбор. Вы бы все лучше родителей пожалели, они растили-растили, образование дали, а она

Маша: Пусть теперь в аду горит!

Руслан: Изучала историю, теперь сама история.

Аноним: Трагедия девушки в жестоком мире соперничества!!! Каждому ставят оценки, этим они убивают в нас всё человеческое... некоторые перестали радоваться, пытаются жить по правилам этого цирка. Я скорблю по ней.

Марина: Нет слов...

Александр: Мне одному кажется, что на видео манекен? Ну не может человек так от земли отскочить, явно же это муляж резиновый.

Владислав: Меньше спайсов жрать надо.

Владислав: Наркота скорее всего.

Алёна: Ещё молоко на губах не обсохло, а уже ополчились. Ну-ну.

Дмитрий: Что вы накинулись все так на человека, мы не знаем, что с ней было. Вот так со стороны кажется, что всё хорошо, а потом такое происходит, Может, ей поговорить не с кем было, ну человек такой одинокий, такое бывает,

Инна> Антон: Так там написано, она работала, портфолио же принесла с собой.

Сергей: Вот тоже интересно, декан и куратор поехали за ней... А в общежитие позвонить не судьба, чтобы там её перехватили? Век высоких технологий, блин, теперь пусть расхлёбывают.

Максим> Александр: Думаю, нам двоим не могло показаться. Человек после падения не будет так «переваливаться».

Аноним: Навязали детям стремление к хорошим оценкам и успешности, и они верят, что эти выдумки общества дороже жизни

Рор-Еуе: Каким она человеком была, теперь неважно, Теперь Бог ей судья.

Анитины знакомые (и незнакомцы тоже) наследили в ленте «Фэйсбука», и следы эти медленно поползали вниз, скрываясь под новыми наслоениями.

М. Г.

«Он повесил огромную фотографию на стену и в первый день долго глядел на нее и вспоминал, отдаваясь процессу меланхолического сравнения живых картин памяти с этой канувшей в Лету реальностью, с этим окаменевшим воспоминанием, каким является любое фото, где ничто не упущено, ни, кажется, даже это самое „ничто“, заключающее в себе истинный смысл отобразенной сцены.»¹

<скриншот из видео>

Саша: Миш, может, хватит уже?..

Тома: Да, Миш, это некрасиво. Журналисты NewLife поступили неэтично, но от них никто другого и не ждёт, а ты туда же.

Михаил: Я за последнее время много чего слышал о Ксюше, и жалели, и осуждали, Я ни к какому мнению не присоединяюсь, но не понимаю, почему все осуждают NewLife. Просто объясните мне. На мой взгляд, журналисты NewLife отлично сделали свою работу и ничего больше.

Тома: Даже я знаю, что такое журналистская этика. То, что они сделали, отвратительно. Это не обсуждается.

Л. З.

По-моему, это совсем уже безобразие, Я сделала петицию против этого видео, пройдите по ссылке и проголосуйте, только, ради Бога, не смотрите! Буду очень благодарна всем подписавшимся!

Таня: Лиз, спасибо большое! Я всё думала, когда уже кто-то это сделает, уже сама собиралась, но ты сделала раньше. Ты большая молодец!

Диана: Ок, подписалась, спасибо, но послушайте, это ведь не единичный случай. Я никого не хочу обидеть. Мне кажется, стоит задуматься над другой проблемой – почему у нас вообще такая нездоровая атмосфера. В прошлом году тоже была попытка самоубийства. Тоже

¹ Хулио Кортасар «Слюни дьявола»

девочка, тоже в общаге, тот же способ. К счастью, всё обошлось. Но вы понимаете, эти серые стены, узкие коридоры, теснота, постоянно темно. Это всё может сильно влиять на психику. Не надо ли руководству университета заняться улучшением условий?

Анастасия: Диана, я сама прожила в этом общежитии пять лет, всё всегда было прекрасно, из окон никто не падал, суицидальных настроений не было. А что касается случая, который Вы упомянули, то связывать его с нынешним и вовсе нелепо, это могут подтвердить все, кто знает подробности того дела.

Екатерина: Ребят, я, может, немного не в тему, но вам не кажется, что мы поступаем неправильно? То есть возмущаемся шумихой в СМИ, а сами раздуваем её здесь? Да и человека в любом случае не вернёшь, так что, может, лучше помолчать?

А. П.

Несколько дней назад не стало студентки нашего факультета. Я не знал её лично, но приношу свои искренние соболезнования всем её друзьям и близким.

Галина: Светлая ей память!

Антон: Она училась у меня на третьем курсе, была очень способной ученицей. На красный диплом шла... М-да, надо же, как всё сложилось...

Артём: Антон, а Вы ничего не замечали, когда с ней общались?

Антон: Ну, она была, конечно, со странностями, замкнутая, но это, в общем, нормальное явление.

Артём: Антон, как? Вы видели, что что-то не так, и ничего не сделали?

Антон: Да говорю же, были странности, бывает так, когда человек замкнут в себе, но ничего, что обычно вызывает волнение, я не заметил.

Артём: Антон, раз заметили, надо бить тревогу! Как же так, не уберегли...

Галина: Антон, девочка и у меня училась, причём, насколько понимаю, дольше, чем у Артёма Викторовича. Артём Викторович верно всё говорит, не всегда можно распознать такие тенденции. Девочку безусловно очень жаль, и вправду была талантливая... Одноруппници очень переживают, это сейчас самая болезненная тема для них, прям вздрагивают, когда слышат, а на носу экзамены.

М. С.

Когда погибла Ксюша, мы сдавали госэкзамен. Несколько вопросов были посвящены профессиональной этике журналиста. К сожалению, журналисты некоторых СМИ проигнорировали принципы профэтики и воспользовались случившимся, чтобы поднять свой рейтинг...

Marika: Журналистику прежде всего должны интересоваться общественно значимые факты, а видео с девочкой, которая падает с 16 этажа, к таким не относится. Если бы ньюлайф действительно пытались показать нам путь в новую жизнь, как утверждают, то сделали бы расследование на тему того, как бороться с суицидами, с легальными интервью и без эмоционального контента, с ограничением 18+.

Елизавета: Полностью тебя поддерживаю. «Любой ценой» информацию добывают не журналисты, а низкие подлые твари, которые позорят профессию.

Анатолий: Да остыньте вы уже, люди гибнут каждый день, в эфирах федеральных каналов – перестрелки, голод, война, трупы младенцев в морозилках. Эта новость ничем не отличается от других новостей. У NewLife высокие рейтинги и без вашей истерики.

В. Л.

Слышал, в общаге какая-то девочка умерла. Поделитесь, пожалуйста, подробностями, кто что знает.

<ссылка на новость в NewLife>

Катя: Умерла да умерла, что тут разговаривать. Всё в статье написано. <ссылка на явление Кати>

Анна: Катя, Вы бы имели хоть немного уважения к усопшей.

Катя: Анна, где это я проявила к ней неуважение? Всё правильно написала, ничего особенно интересного никто добавить не может.

Анна: Ваш тон неуважительный. И я Вам отвечать здесь больше не буду.

Валентина: Анна, не отвечайте ей, видно же, что она психически нездорова, везде суёт этот свой проект.

Мария: Странные вы, мёртвую девочку жалеете, а живую травите. Если у неё правда какие-то проблемы, надо её пожалеть, пообщаться с человеком, к психологу сходить, в конце концов. А вы накинулись как собаки.

Виктор: Это всё, конечно, интересно, а в чём дело-то всё-таки? Кто-нибудь знает?

Фатима: Вить, она со мной на первом курсе где-то месяц жила, но мы особенно не общались.

Виктор: Фатима, о, расскажи!

Фатима: Да нечего особенно рассказывать. Ну, помню, была очень истеричной, да и мама её такая же, пару раз приезжала, и по телефону они чуть ли не каждый день скандалили. Мама, видимо, её сильно прессовала из-за учёбы, девчонка четвёрку получит – плачет, чуть в обморок не падает. Мне её даже жалко было, но соседка она была ужасная, всех вокруг пыталась строить. Много бегала к коменде, в итоге как-то заселилась одна, а дальше не знаю, не общались больше.

Анита когда-то лайкнула этот пост в паблике «Подслышано в Университете», чтобы оставить в своих закладках. Верхние комментарии она пролистывала быстро, нижние – уже медленно, подолгу задерживаясь на знакомых именах. Новых комментариев не появлялось уже несколько месяцев.

Александр: Не понимаю, почему все взъелись на NewLife, люди просто сделали свою работу и сделали её очень хорошо.

Гарик: Александр, я как журналист могу тебе сказать, что этого делать нельзя. На первом курсе этому учат прежде всего, учат журналистской этике, потому что это в профессии превыше всего. Если даже есть кадры того, как человек погибает, это просто нельзя показывать и самому смотреть. Это табу. Это нельзя. Даже просто по-человечески.

Александр: Гарик, по-моему, ничего такого в этом нет, ну раздобыли видео, ну выложили.

Снежана: Вы когда уже перестанете из окон прыгать, недоумки? Хоть бы о других подумали, каждые полгода летуны, труповозки приезжают, как я должна всё это детям объяснять. Напротив вашего общежития живём, подъезд прям на вас выходит, и постоянно какие-то трупы, гулять невозможно.

Алексей: Киньте ссылку кто-нибудь на её аккаунт, через поиск не находится. Интересно посмотреть просто.

Светлана: Алексей, Вы просто из праздного любопытства сейчас туда полезете, да? Вы и не найдёте. Зачем Вам вообще это надо? Не надо ворошить прошлое покойной.

Светлана: Снежана, оказывается, вот какие кадры тут сидят. Вы же отношения к Университету не имеете, и, к тому же, это дело, которое вообще никто регулировать не может. Ксюша была моей хорошей знакомой, и не Ваше это дело, почему она так поступила.

Гарик: Александр, ты, может, ещё казни ИГИЛ² смотришь? Ещё раз повторяю, реальная смерть на экране – это то, что ни один уважающий себя канал никогда не покажет. Тем более федеральный. Это за гранью добра и зла. Так делают только моральные уроды.

Алексей: А, всё, нашёл, посмотрел. Нормальная девчонка вроде, фотографии с друзьями, любимая музыка, никаких депрессивных постов.

Снежана: Светлана, ах ты шалава малолетняя, учить меня вздумала. Ты, проблядь, не понимаешь, что ли, я тебе русским языком объясняю, стерва, с детьми тут гулять негде, потому что вы, придурки, у них на глазах из окон выкидывается.

Александр: Гарик, нигде в законе не прописано, что такого делать нельзя. Ты ссылаешься на какие-то эфемерные догмы, вы в суде ничего про оскорбление чувств не докажете. И я думаю, что журналист NewLife отлично поработал, собрал полную информацию из первых рук и оперативно.

Лилия: Александр, этот материал, как минимум, дискредитирует нашего начальника курса. Студентка умерла, а он интервью раздаёт. Я этого сначала не поняла и, если б не узнала, что журналист представился ему следователем по Ксюшиному делу, не могла бы ему больше доверять. А сколько ещё студентов может неправильно всё это понять? Это уже статья. И потом, у корреспондента явно с собой поддельная корочка, раз он притворяется представителем закона.

Светлана: Алексей, ещё раз повторяю, зачем Вам это? Вы с ней не были знакомы, и для Вас всё это какое-то шоу. Мы с ней были хорошо знакомы, и мне и всем друзьям Ксюши это тяжело. И вообще, как Вы её нашли?

Светлана: Снежана, что тут только такие персонажи делают. Заткнитесь уже.

Самвел: Снежана, да уж, не думал, что здесь будет такой трэш.

Алексей: Светлана, через Вашу страницу и нашёл. Вы мне сами подсказали. Просто интересно было, были ли какие-нибудь признаки.

Даша: Алексей, какие там могут быть признаки? Посмотрели? Потешились? Сколько людей сейчас молча полезло на страницу девушки, а человек же умер. Некрасиво это всё.

Снежана: Светлана, ты, сука, берегись теперь, я тя в лицо знаю, мой муж тебя подкараулит и избьёт, будешь, стерва, знать, как не уважать чужое мнение.

Гарик: Снежана, м-да.

Гарик: Александр, не думал, что у нас тут такие учатся. Ты, как минимум, должен уважать её память.

Светлана: Алексей, не надо лезть из любопытства, дайте людям погоревать. Вы же не знали человека. Я могу вспомнить, как мы с ней смотрели фильмы. Как слушали «Амели на мели». О чём разговаривали. И остальные Ксюшины друзья тоже могут вспомнить что-нибудь такое. А Вы её не знали и теперь никогда не узнаете.

Александр: Она, значит, не имела уважения к своим друзьям и знакомым, и родственникам, а я должен иметь.

Анита медленно набирала текст латиницей на тачскрине, вбивая в строку поиска «Instagram.com/Fox&Polly». Её встречали два улыбающихся лица на аватаре и надпись под ними, белая по серому: «Пользователь скрыл свои данные».

В последней вкладке содержалось одно короткое сообщение из «Подслышано» факультета.

Кому была адресована предсмертная записка Ксюши?

² Данная террористическая организация запрещена на территории Российской Федерации

Катя: <ссылка на объявление Кати>
Ольга: о, ну сколько можно об этом, хватит!
Алёна: <плачущий смайлик>
Боб: Алёна, ты серьёзно? Смайлики?

Иногда Анита вбивала в строку URL сохранённую в заметках ссылку. Страница всегда оказывалась на месте. Видео на телефон загружалось медленно, но Анита ждала. Наконец, на экране появлялось растерянное лицо молодого куратора.

«Она очень хорошо училась, очень ответственно подходила к учёбе. Один раз во время экзамена упала в обморок, больше ничего такого отметить не могу. Ну, ничего плохого не скажу, шла на красный диплом, думаю, с экзаменами у неё не было бы никаких проблем, преподаватели все её хорошо знали, знали, как она старается. Она не носила, там, чёрное, такой депрессивной не была, нормально одевалась, в компаниях не очень надёжных не... тусовалась, ну бывает же, что в плохой компании... У неё была одна лучшая подруга, насколько знаю, – Полина Тищенко»

Анита выискивала нужный аккаунт, не в закладках, не в поиске, через друзей друзей, кружным путём. Сэлфи с одноклассниками, стейки и пирожные, бумажный стаканчик кофе, пальцы, размытые цветные силуэты на заднем плане.

Поли застенчиво улыбалась с аватара, склонив голову набок.

– Чай будешь или кофе?
Алина хлопотала на кухне, колдуя над обедом.
– Давай кофе.

Анита уставилась в окно. По шиферной крыше, возвышавшейся над забором, гуляли рыжие куры, огороженные проволочной сеткой.

Девушка потёрла глаза.

– Мне такой сон приснился, – начала она и, зевая, похлопала ладонью по губам, – Ой... В общем, как будто я мальчик, и мы с лучшим другом поклоняемся сове, только я-то думаю, что это в шутку, потому что мы выдумали всякие дурацкие обряды, а он это всерьёз. Один из заветов совы – не пить кофе ночью. Типа бодрствовать надо так, без стимуляторов. Ну а я... – Анита потянулась и зевнула шире, – ...а я ж балбес, для меня всё это хиханьки. Пью, короче, этот свой кофе на чердаке ночью, тут появляется этот мой друг, говорит что-то патетическое. Патетическое, но короткое. И стреляет из арбалета мне прямо в горло. Я кофе роняю, захлёбываюсь, а у него над головой сова, грозно так на меня смотрит.

– Надо же, какой сон, – вежливо заметила Алина, – С завтрака ничего не осталось, придётся тебе пока кофе обойтись.

– Ничего, – пробормотала в ответ Анита.

Отпив несколько глотков, Анита покрепче ухватила кружку и вышла с ней во двор. Цветы на клумбе, трепыхались под тёплым ветром. С крыльца отчётливо видны были дальние горы.

Анита спустилась с крыльца, уверенно ступая вперёд правой ногой и почти грациозно шаркая левой, подошла к скамье у клумбы и осторожно опустилась на неё, поставив кружку тут же, у бедра. Отдельные волосы липли к лицу, и девушка вертела головой, пока не повернулась в ту сторону, откуда дул ветер.

– Проснулась? – спросила тётя Оля, пробегая через двор. Руки согнуты в локтях, локти прижаты к телу, корпус наклонён вперёд. Она торопилась.

– Проснулась?! – закричала Уляшка, выныривая из-за поленницы. За нею выбежали Ванечка и Толя.

- Проснулась! Проснулась! – они запрыгали рядом.
- Тётя Алина сказала, ты с нами на речку пойдёшь! – сказал Толя.
- Что это тётя Алина вам пообещала? А, ладно, пойдём, пойдём...
- И рисовать ты с нами будешь? – перебила его Уляшка.
- И рисовать буду.
- Пошли уже на речку! – Ванечка дёрнул её за локоть.
- И в парк! – заявила Уляшка.
- И на площадку!
- Сначала на речку!
- Возьмёшь меня в магазин?
- Нет, меня!
- Я раньше спросил!
- Мы сегодня купим мороженое?
- Я хочу отдельно мороженое!
- Рожок!
- Стаканчик!
- Я эскимо никогда не ел!
- Как это эскимо не ел? – удивлённо спросила Анита Толю.
- Так пойдём уже?
- Пойдём-пойдём, дайте мне кофе допить только.
- Ну вот.
- Ладно.

Стайка малышей скрылась в огороде.

– Что, достают тебя детишки? – спросила тётя Оля, пересекая двор в обратном направлении.

- Да ничего, нормально, – улыбнулась ей Анита.
- Что, к маме-папе потом поедете?
- Да, надо бы.
- А ты когда обратно?

Анита помедлила с ответом.

– Посмотрим, как получаться будет.

– Вроде бы уже и ехать скоро, – на лбу у тёти Оли мелькнула небольшая складка, – Ты не опоздаешь?

– Посмотрим, – повторила Анита с нажимом.

Уходя, тётя Оля оглянулась.

Анита проглотила остаток кофе – несколько холодных капель – глубоко вдохнула и расправила плечи.

Когда она принесла кружку на кухню, Алина рассеянно подняла на неё глаза и снова склонилась над кастрюлей, помешивая черпаком. Анита в два движения забрала волосы в хвост и подошла к двери.

– А, Анит, – сказала Алина, не переставая мешать и не отрывая взгляда от варева. – Бабушка просила зайти.

Анита приблизилась к бабушкиной комнате, пальцами раздвинула занавески, отделявшие спальню от коридора, и вплыла внутрь. Бабушка сидела в постели, держа в руках Псалтырь, настольная лампа стояла рядом на стуле, её резкий белый свет был направлен на книгу. Бабушка бормотала при чтении, громко, но неразборчиво, и то и дело поправляла очки с толстыми стёклами.

– Бабушка, – позвала Анита, спрятав руки за спину.

Глаза-блюдца обратились на неё, уголки губ приподнялись, и изо рта глянула чернота, среди которой торчал единственный зуб.

– Да, моя хорошая...

– Вы меня зачем-то звали.

– Да-да, сейчас, – бабушка засуетилась, вынула из-под подушки аккуратно сложенный пакетик, встряхнула его, развернула и, широко раскрыв, торопливыми негнушимися пальцами вытащила две тысячных купюры.

Анитины пальцы за спиной сплелись в замок, сама она, не сводя глаз со своих ступней, закачалась, с носка на пятку, с носка на пятку. С носка на пятку.

– Вот, это тебе, – произнесла бабушка, протягивая деньги Аните, – Целый год тебя не видим, не поздравляем. Уедешь опять скоро, опять не увидим... Бери-бери, деньги студентам всегда нужны.

С носка на пятку. С носка на пятку. С носка на пятку.

– Бери, чего стоишь, купишь себе что-нибудь.

– Ну... это много, – пробубнила Анита, склонив голову.

– Чего?

– Много, говорю, – чуть громче произнесла девушка и взглянула на бабушку.

– Бери-бери, купишь себе чего-нибудь. С Алиной съездите в райцентр, выберете. Я-то уже старая, никуда не поеду, и магазинов-то тут нет никаких, негде подарок купить... Бери!

Анита посмотрела на свои руки и нерешительно протянула бабушке правую, бережно ухватила купюры пальцами, сложила их вчетверо и сунула в карман джинс, подоткнув большим пальцем.

– Спасибо, – сказала девушка, опустив голову.

– Спасибо, – повторила она и, нагнувшись, обхватила бабушку за плечи, зарылась лицом в мягкую морщинистую шею.

– Пожалуйста, дорогая, – ласково сказала бабушка, прикоснувшись осторожными ладонями к спине внучки, – Сегодня с Алиной съездите, ладно?

– Спасибо, бабушка, – сказала Анита глухо.

– Анита! – крикнула из кухни сестра.

– Иди, зовут, – подтолкнула бабушка.

Анита медленно пошла на зов, оглядываясь на бабушку.

– Иди, иди, – повторила она.

– Анит, зови всех обедать, – велела ей Алина, вытирая руки, – И накрывай на стол.

Когда все уселись, дети продолжали начатый за играми разговор.

– А ты знаешь, кто такой Джеки Чан? – спросила Уляшка у Толи.

Молчаливый Толя помотал большой головой.

– А я знаю, кто это такой! – Ваня подпрыгивал на стуле, – Джеки Чан – это такой, его заблокировали на ютубе, потому что он фотографировал небо и сказал, что загрязняют окружающую среду, а китайцы воскликнули, что нет!

Все засмеялись, даже Костя.

– Китайцы воскликнули, что нет, – медленно повторила Анита и погладила Ваню по голове.

Анита ещё не успела доесть, когда Уляшка, поклевавшая хлеба с вареньем и выпившая стакан молока, начала молча дёргать её за рукав толстовки.

– Да скоро пойдём, скоро, – вырвалось у Аниты.

– А куда пойдёте? – осведомилась Алина.

– На речку, тётя Алина, – ответила Анита, дёрнув головой вперёд.

Алина повторила это движение, качнула головой на короткой шее.

– Шуточки шутишь, – глаза сузились, губы надулись.

Анита прыснула, Алина улыбнулась в ответ. Алинин муж, до этого смотревший куда-то сквозь стены, очнулся и медленно покрутил головой, осматриваясь.

– Душка, – спросила Алина заботливым голосом, – тебе ещё чаю?

– Нет, спасибо, – ответил ей муж.

– Анит, нам надо в райцентр съездить. Сейчас соберёмся и поедем, хорошо? Сразу, как поедим, чтобы не задерживаться нигде.

– Но... я же детям обещала.

– Никуда они не денутся, потом сходите. Лучше сегодня съездить, пока не заняты ничем. Потом дела будут. Ну, у меня, по крайней мере.

Ульяшка снова потянула Аниту за рукав.

– Ульяна, тётя Анита со мной сейчас поедет, – деловито обратилась к ней Алина, – Она потом с вами поиграет, ладно?

– Ну нет.

– Ульяна, веди себя прилично.

– Ну нет!

– Ульян, ну я же скоро вернусь, и тогда пойдём гулять, окей? – Анита говорила тихим спокойным голосом, – Просто у нас правда серьёзные дела.

– Ну это будет долго! Ты приедешь только вечером, и на речку не ходим, – девочка начала похныкивать.

– Ульяна! – воскликнула Алина с раздражением, – Что ж ты за ребёнок такой! Сказали, подожди, значит, подожди.

Ульяшка выбежала из-за стола и кинулась в соседнюю комнату, закрыв лицо руками.

– Ну вот, – тихо сказала Анита.

Когда машина Алины покатила по просёлочной дороге, постепенно набирая ход, Анита, сидя в кресле боком, махала рукой высыпавшей за ограду ребятне. Толик стоял на месте, не двигаясь, и глядел вслед машине так, словно только проснулся, Ульяшка и Ваня подпрыгивали, махая вслед, а затем начали гоняться друг за другом. Они улыбались, и глаза их превратились в щёлочки.

– Ты когда водить научишься? – спросила Алина.

– А зачем мне это?

– Ты же вроде раньше хотела. Помнишь, ещё в пятом классе училась, всё не могла дожидаться, говорила, в семнадцать лет на права выучусь.

– Да когда это было.

– А всё равно было бы неплохо. А?

– Вот что мне кажется странным, – сказала Анита, – Когда гляжусь в зеркало, налюбоваться на себя не могу. Кажется, такая я красавица. Глаз не отвести. На вебку ноута хорошо получаюсь, надо только подбородок опустить. Хоть я и знаю, что он меня искажает – лицо делает шире, что ли. Когда пытаюсь сфотографироваться на твой фотик, получаюсь хуже некуда. Он меня какой-то выпуклой делает. Но не просто выпуклой, а на свой лад. Увидит кто-нибудь эти снимки и решит, что я такая и есть. А может, я такая и есть? Нет, не такая, я проверяла у зеркала. В зеркале лицо у меня длинное, а в объективе – круглое, в зеркале у меня нос ого-го какой рельефный, впадинки там под глазами, переносица тонкая, щёки ровные, а в объективе – фиг там, круглый, торчит. И впадинок нет, и переносицы не видно, и щёки торчат, и губы торчат, и лоб узкий...

– Да красавица ты у нас, – проворчала Алина.

– Я не о том, – протянула Анита, – Красавица, не красавица – дело вообще десятое. Мне просто интересно, за счёт чего такие разные картинки получаются. Миллиметр убрали там, миллиметр прибавили сям – и ощущение другое, лицо другое.

– И к чему ты всё это говоришь?

– Да-а-а-а... ни к чему.

– Ты не о том всё думаешь, – сварливо сказала Алина, – Пока время есть, подумай, чем весь год заниматься будешь.

– Будет время – подумаю.

– Сейчас думай, – Алина проговорила это ровным голосом, глядя прямо перед собой. Руки её чуть напряглись на руле.

В укатанной глинистой дороге стали попадаться мелкие ямы и выбоины. Анита прислонилась лбом к вибрирующему стеклу и тут же отпрянула.

В бутике в здании кооператива, куда они зашли, были одни платья. Анита отобрала из всего многообразия пару штук, Алина – пару десятков. Продавщица по очереди подносила их к примерочной по два-три и вешала на алюминиевую штангу, державшую занавеску. Анита стягивала их к себе и складывала на пластиковый стул с поцарапанными ножками.

– Во-о-от, отлично сидит, вам очень идёт, – с чувством говорила продавщица, едва окинув беглым взглядом очередное платье.

– Не, – коротко отвечала Анита и уходила обратно за занавеску, к двери с зеркалом, коробкам, сложенным в углу, половику и стулу.

– А может, это ещё померите? Ещё есть платьице вашего размера, очень симпатичное...

– Анита, это возьми, по-моему, хорошо выглядит.

– Ну вы хоть скажите, какого плана платье вам нужно...

– Я присяду?.. Анита, ты чего там возишься, молнию заело?

– Вот, последнее поступление, это из Турции, как я сразу-то про него не вспомнила.

– А то, в горошек, ещё раз померь.

– Вашего размера вроде только эти. Схожу на склад, посмотрю, может, что-то осталось.

– Анита, давай побыстрее, нам же ещё дядю Пашу забирать. Может, красное ещё померишь? А что, на праздники можно надевать.

– Ну, вы определились?

– Анит, ты сколько платьев померила? – со смехом спросила Алина.

– Писят, – тяжело выдохнула Алина.

– Что?

– Пяй-сят.

– Чего-чего?

– Пять-де-сят!

Когда они вышли из бутика с пакетом, Алина начала рыться в сумочке.

– Анит, у тебя телефон работает? А то у меня денег нет, не могу Паше позвонить.

Анита похлопала себя по бёдрам.

– У меня сейчас вообще телефона нет.

– Так, что же делать? – проговорила Алина вполголоса, её глаза забегали, – М-м-м, придумала. Заедем сейчас к дяде Гене, от него позвоним. Заодно с девчонками увидишься.

Собака залаяла, как только машина стала у ворот.

– Это она на тебя лает, – заявила Алина, поправляя уложенные волнами волосы, – Давно не видела.

Собака, натянув цепь до отказа, встала на задние лапы, и, срывая собачий голос, рвала когтями воздух перед собой.

– Фу, Динка, фу! – прикрикнула на неё Алина, обходя далеко стороной, – Какая-то бешеная она у них.

На крыльце появился дядя Гена в зелёном рабочем комбинезоне.

– О-о-о-о, привет-привет, какие люди, – сказал он негромко, показав два передних золотых зуба.

Динка прекратила лаять и, заскулив, подбежала к нему. Он не обратил на неё внимания.

– Дядя Гена, мы к вам по делу, – сказала Алина, подходя ближе и пожимая его ладонь. – Нам нужно Паше позвонить, а то он сегодня без машины по делам уехал.

– Ну проходите-проходите... Анита, привет, как дела? – он приобнял девушку за плечи и тут же отпустил.

В доме уже собирали на стол. Анита задержала взгляд на маленькой девушке в шортах, которая хлопотала у чайника, и пошла в гостиную. В гостиной работал телевизор.

– Сегодня на границе с Казахстаном был задержан ценный груз – яйца среднеазиатских драконов... До сих пор неясно, для кого предназначались экзотические животные... Кроме того, что груз довольно хрупкий, вокруг яиц требуется поддерживать постоянную температуру около девяноста градусов по Цельсию. Однако это условие было нарушено, и работающие на месте зоотехнологи не уверены, что им удастся спасти хотя бы один плод... В России разведением драконов занимаются двести сорок семь питомников и хозяйств, они выращивают северо-европейские виды. Среднеазиатские драконы более прихотливы, поэтому обходятся нашим соотечественникам намного дороже... Напомним, в нашей стране законодательство в соответствующей области не отрегулировано, и поэтому шансов на то, что контрабандисты за свои действия получают реальный срок, почти нет.

– Вот бы у нас в Хысе был дракон, – вздохнула сидевшая тут же Анжела.

– Привет, – сказала ей Анита.

– Привет, – Анжела покосилась на неё, дёрнула широкими плечами, поправила хвостики на голове.

– Идите чай пить! – позвала из кухни Алина.

– Кто это? – спросила Анита, кивнув в сторону кухни.

– Это Вика, моя двоюродная сестра. Ты её не знаешь?

– Нет, в первый раз вижу.

– Анит, ты чай пить идёшь? – весёлая Алина прислонилась плечом к косяку.

– Да, иду-иду.

В кухне Анита присела на краешек стула и придвинула к себе чашку с чаем. В прозрачной тарелочке перед ней высилась горка жёлтых слив. Она взяла одну и откусила немного.

– Ну как? Не кислые? – добродушно спросил дядя Гена, сверкнув золотым зубом.

– Не кислые.

– В этом году хороший урожай вроде. В прошлом году сливы не выросли совсем, одну банку компота сварили, ну и ладно...

– Анит, – перебила дядю Гену Алина, – вы с Викой знакомы?

Анита с незнакомой девушкой переглянулись.

– Нет, – ответили они одновременно.

– Вот, Вика, знакомься, это моя сестра, Анита, вы, кстати, ровесницы. Анита, это Вика. Она племянница... тёти Инны.

На несколько секунд повисло молчание.

– Очень приятно, – сказала Анита.

Вика кивнула в ответ.

– Ника сейчас придёт, я ей позвонил, – сообщил дядя Гена, – Они с Кешей через дорогу живут, может, даже сейчас вместе будут.

– О, – сказала Алина, улыбаясь, – а Игорь-то, наверно, уже большой.

– Да, – просиял дядя Гена, – уже ходить пытается.

Анита искоса поглядывала на Вику, изучая её. Та смотрела на свои руки и изредка поднимала глаза то на дядю Гену, то на Алину, пока они говорили. Наконец она встала, тихо поблагодарила за угощение и ушла.

– Какая она молодец, – произнесла Алина вполголоса.

– Да-а-а-а... – задумчиво протянул дядя Гена, – во всём помогает. Где приготовить, где убрать. Полгода уже тут живёт...

– И ведь совершенно не обязана всё это делать... Молодец! – громким шёпотом подытожила Алина.

Когда дядя Гена вышел из-за стола, чтобы встретить старшую дочь, Анита спросила:

– Да чего эта Вика тут делает? Я не поняла.

– Ну... живёт. Помогает. А, чего я тебе рассказываю, ты ж на похоронах не была.

В кухню зашли ещё гости. Алина встала, расцеловалась с Никой, взяла на руки семимесячного младенца, заагукала, заулыбалась, сухо кивнула невзрачному пареньку, державшемуся чуть поодаль. Анита привстала навстречу Никиным объятиям, погладила младенческий кулачок, вопросительно взглянула на паренька.

– Это Кеша, – представила его Ника, – мой муж.

– Очень приятно, – сказала Анита еле слышно.

– Как дела-то у тебя? – спросила Ника и поймала её взгляд, – Скоро обратно?

– Китайцы воскликнули, что нет.

– Что?

– Ничего. Хорошо у меня дела.

Гости сели за стол, откуда-то вынырнула молчаливая Вика и принялась расставлять новые приборы и разливать чай. Анита вышла в широкий коридор, остановилась у зеркала и принялась выравнивать пальцами пробор. Серебристые волосы не слушались, у пробора обозначились тёмные полоски отросших корней. Заметив возле зеркала календарь, девушка подошла к нему ближе, нашла дату и, водя по числам подушечкой пальца, начала медленно считать.

Всего на четыре дня дальше.

Даже в самый тёмный час очертания предметов в комнате были хорошо различимы. Рома сидел на кровати, подтянув к себе одно колено и прислонившись к стене. Назойливое тиканье будильника нарушало тишину. Широкий гардероб, письменный стол со стопкой книг, пустая кровать напротив – всё было неподвижно.

Кроме существ за окном.

По залитому лунным светом двору бродили высокие животные, передвигавшиеся на широких задних лапах. Они напоминали зайцев, если бы зайцы были ростом с человека. Короткая светлая шерсть топорщилась на сгибах конечностей, острые кошачьи уши гибко поворачивались то в одну, то в другую сторону. Рты обозначились полумесяцами на плоских голых мордах.

Одно из существ приблизилось к окну, ступив на завалинку, и прижалось к нему узким лбом. Его круглые чёрные глаза медленно обвели взглядом всю комнату и наткнулись на Рому. Несколько секунд существо изучало человека, затем беззвучно метнулось назад, за ним устремились другие животные.

Рома подошёл к окну и выглянул наружу. Во дворе, вымощенном плиткой и чисто выметенном, никого не было. Рома обмахнулся листом бумаги, взятым со стола, ладонью отёр пот со лба, выдохнул.

На кухне горел ночник. Рома взял графин с водой, поднёс его к губам и начал пить большими глотками. Вернувшись к себе, он вынул телефон из-под подушки. 2:45.

Свет настольной лампы лёг на стопку книг. Рома взял верхнюю. «Горячий снег». Отложил. «Бегущий человек». Книга отправилась в сторону. «Униженные и оскорблённые». Рома повертел чёрную книгу в руках, прочитал название несколько раз и отложил. «Это я, Эдичка». «Отверженные». «Горе от ума». «Цементный сад». «Иосиф Бродский. Сочинения». «Сто лет одиночества». «Убить пересмешника».

Юноша сложил книги обратно, аккуратно выровнял стопку и выключил свет. Луна зашла за скат крыши и оттуда освещала рваные облака. Рома лёг в постель и отвернулся к стене.

Часы торопливо тикали.

Рома сел, обхватив голову. Помассировал виски. Пару раз ударил ладонью по затылку.

– Выбивайся, дурь, – процедил он сквозь зубы.

Он взял будильник и сунул его под подушку на соседней кровати. Стало тихо.

Рома полежал некоторое время неподвижно, но вдруг начал сучить ногами, сбил одеяло, стукнул кулаком по спинке кровати, снова сел и запустил пальцы в волосы.

– Это невозможно! – произнёс он громким шёпотом.

Пластиковое окно в спальне казалось голым без занавесок. Двор всё так же пустовал. Небо посинело.

Рома натянул шорты, накинул фланелевую рубашку и лёг в постель, не укрываясь.

Густые синие сумерки постепенно сменились серыми.

– Ты что, не спал всю ночь? – спросил отец за завтраком, – Часовые пояса?

– Наверное, – Рома почесал переносицу и широко зевнул, – Такая... ерунда привиделась.

Ну и библиотека у Илюхи, кстати.

– Что, книжек начитался на ночь?.. Ничего, бывает, – мужчина отпил апельсинового сока из стакана.

– Очень хорошо, что Рома читает, – вмешалась сидевшая тут же темноволосая женщина в платье в горошек. Она держала в одной руке книгу, заложив страницу пальцем.

– Может, есть что-нибудь от головы? Какие-нибудь таблетки? – не обращая на неё внимания, спросил Рома.

– Ты же знаешь мою позицию. Если можно обойтись без лекарств, то лучше обойтись без лекарств. Пройдись, что ли, воздухом подыши, холодной водичкой умойся. Помогает! А потом поспи. Ты же всё-таки отдыхать приехал.

– А я думал – с тобой увидеться.

– А какая здесь природа! Ты в своём Пскове такого не видел. Тайга, горы дикие, реки! Пацаны вернутся – в поход пойдём все вместе.

Рома, избегая отцовского взгляда, спросил:

– Слушай, ты знаешь такой населённый пункт – Хыс? Где это находится?

– Это? Что-то слышал. Далековато, в другую сторону от Накабы ехать. А что? У тебя там знакомые? В поезде с кем-то познакомился?

Рома опустил глаза.

– Да так, с парнем одним разговорился. Хороший парень.

– Понятно. Ну, пойду я в свой огород.

Мужчина поднялся, потряс плечами, разминаясь, и бодрой пружинистой походкой направился к сеним. Головой он едва не задевал притолоку.

– Так ты не пренебрегай, прогуляйся, зарядочку сделай. В училище-то у вас, наверно, строго с этим? С физподготовкой.

– В университете.

– А. Да. В университете, – его голос послышался уже из сеней. Хлопнула передняя дверь.

– Хороший парень, говоришь? – улыбнулась женщина, сидевшая напротив.

– Ну... да, Екатерина Андреевна.

– Сколько раз уже говорить, называй меня тётей Катей. Ну не смущайся так, дело молодое, сама знаю, – несмотря на тихий голос, все её слова звучали чётко.

Рома поскрёб подбородок, на котором торчало несколько коротких тонких волосков. Солнце светило ему в лицо, и он прикрывал ладонью глаза.

– Так ты у этой девушки взял какие-нибудь координаты? Телефон там. Или как это вы сейчас делаете? Илюша постоянно общается в этом, как его..

– «ВКонтакте», – подсказал Рома.

– Да-да, верно. Ну так как? Обменялись контактами? Или ты настолько обо всём забыл, что и не спросил?

– Может быть, – ответил юноша и уставился в кружку с чаем.

– Что же, – улыбнулась ему тётя Катя. И ничего больше не сказала.

В спальне братьев Рома переоделся в спортивную одежду, достал из сумки кроссовки на рельефной подошве, жёлтые с чёрными полосками, повесил их себе на шею, вставил наушники в телефон и положил его в карман. Кроссовки болтались на шнурках, подпрыгивая на груди, пока он пересекал коридор и столовую.

В плейлисте, поставленном на случайное воспроизведение, выскочила песня.

John Cooper Clarke – Evidently Chickentown

Палец завис над кнопкой «next». Рома посмотрел на экран ещё раз и спрятал телефон в нагрудный карман, засунув наушники в слуховые проходы. Он крепко зашнуровал кроссовки и вышел за ворота.

Дом стоял на широкой дороге, у самой окраины посёлка. Влево уходили бесконечные зелёные поля – они казались огромным мягким ковром, раскинувшимся под бледным небом. Вправо выстроились маленькие домики.

Рома трусцой побежал к центру посёлка. Деревянные дома за цветными палисадниками сменились длинными двухэтажными зданиями из оранжевого кирпича. Здесь и там, в тени деревьев, в канавах, а то и посреди дороги расположились рыжие и коричневые безрогие коровы с изъеденными глазами; они жевали, широко раздвигая мощные челюсти, и помахивали измазанными говном хвостами. За бегуном стелилась желтоватая пыль, и маленькая собачка устремилась за ним, бешено лая на ядовито-жёлтые кроссовки; меньше чем через минуту она отстала. Начались серые дома, четырёх- и пятиэтажные, на их фасадах узором из красных кирпичей были выложены слова «Слава КПСС» и «50 лет Октября». В заброшенном скверике к постаменту кто-то прислонил часть бывшего памятника – верхнюю часть человеческого тела. Бронзовую усатую голову с жидкой бородкой венчала бронзовая кепка, а взметнувшаяся над головой рука указывала туда, куда никто не мог заглянуть. Под ногой юноши что-то чавкнуло, и, опустив взгляд, он обнаружил, что наступил в зеленовато-коричневую коровью лепёшку.

Когда он, вернувшись, отворял калитку, навстречу ему попался отец. Одетый в резиновые сапоги и грязную полотняную куртку, в выгоревшей панамке на густых волосах с проседью, он нёс алюминиевое ведро. Из ведра свешивалась ботва, стебли и листья задевали забор при каждом шаге, при каждом взмахе руки.

– О, с пробежки? Молодец, сын, – он подмигнул и прошёл мимо, направляясь к садику.

Рома прошёл в дом, умылся на кухне, поплескав на разгорячённое лицо водой.

Мимо юркнула девочка лет десяти, очень загорелая, в коротком голубом сарафане.

– Лера, ты куда? – Рома обернулся так быстро, что брызги разлетелись во все стороны.

Девочка застыла на месте, прижавшись к стене и вперившись в него огромными голубыми глазами.

Рома смутился, девочка, так ничего и не ответив, попятилась и убежала. На маленьком бронзовом лице её мелькнула злобная гримаска.

– Ты её извини, – сказала тётя Катя, закладывая пальцем книгу. На мягкой обложке виднелись буквы «Эдуард Тополь». – Она к тебе не привыкла ещё.

– Я сам виноват, – ответил Рома, яростно вытираясь вафельным полотенцем, – Какое моё дело, куда она идёт.

– Не скажи. Ты же всё-таки её брат.

– Тётя Катя, а скажите, – Рома подошёл к столу, подвинул к себе стул и сел, сохраняя между собой и женщиной дистанцию, – как вы думаете, почему отец пригласил меня сюда именно в этом году? Почему не раньше? Илья и Паша ведь гостят у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.